

Изумительно... Роман на века.

ГЕЙЛ ФОРМАН,
автор бестселлера «Если я останусь»

Деб Калетти

ОТДАЮ СВОЕ СЕРДЦЕ МИРУ

ПОБЕДИТЕЛЬ MICHAEL L. PRINTZ AWARD

Деб Калетти

Отдаю свое сердце миру

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

Калетти Д.

Отдаю свое сердце миру / Д. Калетти — «Издательство АСТ»,
2018

ISBN 978-5-17-112610-0

Год назад жизнь Аннабель не казалась идеальной, но тогда у нее было все: друзья, семья, любовь. И парень, внимание которого льстило ей и тревожило одновременно. До тех пор, пока его одержимость ею не привела к ужасной трагедии. Теперь невыносимая боль заставляет Аннабель бежать. Она бежит через всю страну, из Сиэтла в Вашингтон, с единственной целью – достичь места назначения. С каждым шагом, с каждым ударом сердца Аннабель приближается к исцелению и находит в себе внутреннюю силу, чтобы позволить любви и надежде вернуться в ее жизнь.

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-112610-0

© Калетти Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	11
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Деб Калетти

Отдаю свое сердце миру

*Посвящается Дэйвону, Сэму и Нику.
Мое сердце принадлежит вам.*

*В сумеречном небе над головой не было ни облака. Но где-то далеко,
с юга, буря медленно двигалась в их сторону...
Альфред Лансинг, «Лидерство во льдах. Антарктическая одиссея
Шеклтона»*

Deb Caletti

A HEART IN A BODY IN THE WORLD

Published by arrangement with Simon Pulse, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division и литературного агентства Andrew Nurnberg

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Text copyright © 2018 by Deb Caletti

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

Аннабель Аньелли пытается прийти в себя. Она шокирована тем, что произошло только что возле придорожной закуской «Дикс». Она в ступоре. И вдруг – бывает же такое – истерзанная душа словно срывается с цепи. Аннабель сжимает белый бумажный пакет со злосчастным оранжевым логотипом *Dick's*. Бургер еще теплый. Кола плещется, поднимая бурю в стакане, пока Аннабель силится прогнать мрачные видения недавнего прошлого. Просыпавшиеся на дно пакета ломтики жареной картошки шуршат, как маракасы.

Конечно, она слышала эту поговорку: «*Путь в тысячу миль начинается с одного шага*». Сразу вспоминается плакат в кабинете тренера Квана: на фоне заката – силуэт девушки, бегущей вверх по крутой горной тропе; облака расступаются, и божественные лучи раскрашивают пурпуром величественные горы. На том плакате нет ни паники, ни брошенных салфеток, ни растрепанных волос. Ничего *похожего*.

Куда она бежит? Если бы знать...

Почему она бежит? Трудно сказать. Иногда происходит срыв. Сорваться легко, когда ты уже сломлена худшим из того, что может с тобой случиться. Когда подавлена чувством вины и напугана. Ты просто срываешься. Как будто сжатая внутри пружина только и ждет подходящего момента, чтобы выстрелить.

И вот теперь, на парковке у «Дикс», Аннабель Аньелли больше не пытается совладать с собой. Она проиграла. Вчистую. Она бросает машину и бежит трусцой по тротуару в довольно бодром темпе. Тренер Кван мог бы гордиться. Ее прошибает пот, мысли прыгают кувырком, и она выглядит немного дерганой для отличницы по жизни. Быть доброй и милой, держать все под контролем – это большая, очень большая работа, в последнее время слишком обременительная для нее.

Становится только хуже. Что и говорить, такое часто бывает: спираль неудач закручивается все туже. Аннабель бежит довольно долго, уже начинает темнеть. Тьма сгущается – в прямом смысле, а не только в ее жизни. Опускается ночь. Тяжелые облака заволакивают небо, угрожая обрушиться ливнем. Все против нее: ночь, дождь, усталость.

Она преодолевает полпути вдоль Бродвея – загруженной автомагистрали Сиэтла. Потом сворачивает на Черри-стрит и вскоре оказывается на тропе, огибающей озеро Вашингтон. На дворе март, и это означает, что солнце садится около пяти или половины шестого вечера. Она понятия не имеет, который час. Прохожие в капюшонах, сутулясь от холода, выгуливают собак. Мелких и крупных псин дергают за поводки: слишком большая роскошь – обнюхивать территорию, когда небо так темно. Велосипедисты – один, два или двадцать – проносятся мимо, спеша домой с работы. Колеса *шуршат* по асфальту. Рюкзаки болтаются за плечами. Узкие блестящие велосипедные штаны отбрасывают метеоритные полосы люминесцентного желтого цвета. Зажигаются уличные фонари.

Она бежит дальше. Накапывает дождик, но это пустыки. Пакет с бургером исчез (в мусорном баке, надеется она, хотя не может сказать наверняка), но у Аннабель в руке стакан с колой, и сумочка успокаивающе бьется о бедро. В закусочную «Дикс» ее занесло после тусовки с Заком Оу и Оливией, поэтому на ней джинсы и свитер, и сейчас ей очень, очень жарко. Ее куртка в машине; спортивный костюм для бега и кроссовки – дома. Но все это не имеет значения.

Позади район Лэски и парк Сьюард, и жутковато оставаться наедине с озером цвета индиго и вечнозелеными деревьями-великанами, грозно размахивающими ветками. Страх – вот что гонит ее вперед. Впрочем, бежит она не только от страха, внушаемого парком Сьюард и происшествием у закусочной, но и от постоянного ощущения тревоги, собственной беспомощности и осознания того, что ее судьба в чужих руках.

Вообще-то не следовало бы устраивать пробежки в этой части города. По ночам здесь небезопасно. Грабят. Убивают. Но, странное дело, ей как будто море по колено. Все нипочем. «*Попробуй, достань меня, – храбрится она. – Думаешь, я боюсь?*»

И тут ей в голову приходит другая мысль: «*Так бы бежать и бежать куда глаза глядят*».

Вот как рождаются большие идеи: что-то вспыхивает в мозгу, когда происходит короткое замыкание. И всякиекуда, почему и не знаю сплетаются в мельчайший клубок клеток, различимый только под микроскопом.

Большие идеи могут привести к великим делам. Большие идеи могут привести к катастрофе. Клетки начинают делиться.

В кармане жужжит телефон. Она уже давно должна быть дома. Родные беспокоятся. Она отмахивается от этой мысли, но чувство вины пополам с ответственностью сталкиваются с болью в икрах и пальцах ног. Так уж устроена Аннабель Аньелли: она считает, что всем должна. Это заставляет крутиться шестеренки тревоги. Наконец она останавливается, задыхаясь от усталости.

Слева от нее простирается парк. Она с рождения живет в Сиэтле, но никогда не бывала здесь. «МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПЛЯЖНЫЙ ПАРК ДЖИН КУЛОН» – читает она табличку. ГОРОД РЕНТОН. Она отхлебывает колу, комкает стакан. Хруст картона успокаивает. Она ходит по кругу, восстанавливая дыхание, потому что знает, как отреагируют мышцы, если этого не сделать. В груди жжет.

«*Помоги мне, Кэт, –мысленно молит Аннабель. – Что мне делать?*»

«*Не сдавайся*», – отвечает Кэт.

Видите? Кэт – ее лучшая подруга, поэтому она понимает. Кэт знает Аннабель лучше, чем кто-либо – ну, может быть, не считая той, кто сходит с ума в эту самую минуту и названивает по телефону. Аннабель тянется к жужжащей трубке.

– Мам, я в порядке, – говорит она.

– О боже, Аннабель. Господи Иисусе, где тебя черти носят? – Именно так: *боже, Иисусе и черти* запросто уживаются в одной фразе – но в этом вся Джина Аньелли. Для нее католическая вера – не только религия, но еще и суеверия, защита, традиции. Она редко ходит на мессу, но у нее на кухне над дверью висит обязательное распятие, в ящике комода хранятся четки и перетянутая резинкой стопка похоронных карточек-извещений о смерти родственников. Аннабель с трудом верится, что среди людей еще есть католики. Но католическая церковь существует вот уже тысячи лет и будет существовать еще столько же, несмотря на критику в прессе и слухи о скором исчезновении, как это случилось с *Hostess Twinkies*¹.

Неужели Аннабель еще может верить во что-то? Было бы неплохо иметь веру, но, похоже, она ушла навсегда.

– Я в парке Джин Кулон. В Рентоне!

– Что? Почему? С кем ты там? Ты что, *выпиваешь*?

Ха. Если бы.

– Нет, я не пью! Я бегаю.

– Ты *бегаешь* там? Что значит: бегаешь? А где машина? Боже правый, ты хоть знаешь, как я волнуюсь? Да я чуть не *умерла* от волнения.

Волнуется! Мама всегда волнуется! Она волновалась еще до прошлого года, еще до того, как появилась причина для волнений. Беспокойство – еще один способ, которым Джина пытается всех уберечь. Оно сродни молитве. Вот что происходит, когда твоя мама охвачена беспокойством: *тысама* невольно впадаешь в панику. Тревога становится фоном твоей жизни, как

¹ Легендарное бисквитное пирожное, придуманное и производимое пекарней Hostess с 1930 года. Причина прекращения производства – банкротство компании. Последняя партия Twinkie, состоявшая из 20 тыс. коробок, была раскуплена менее чем за день.

навязчивая мелодия из гастронома. Ты просчитываешь каждый шаг, просыпаешься среди ночи с учащенным сердцебиением. Ты притворяешься храброй и делаешь все, чтобы доказать, что ты не такая трусиха, как она. Постоянное беспокойство (о том, где ты находишься, с кем дружишь, обо всем и вся, но только не о том, о чем нужно беспокоиться) передается и тебе. *Ты в опасности. Мир полон угроз и предательства. У тебя нет ни единого шанса выжить.*

Как будто беспокойство что-то гарантирует.

Как можно чувствовать себя в безопасности? Сложный вопрос. И вполне уместный, потому что Аннабель сложно устроена. Под маской симпатичного и хрупкого создания скрывается душа, полная отчаяния и убитая горем.

– Со мной все в порядке, мам.

Конечно, это не так. Она определенно не в порядке.

– Малкольм пытался отследить тебя по Интернету, не знаю уж, как! А я собиралась позвонить деду и отправить его на поиски. Можешь себе представить, в каком я была состоянии. Аннабель, ты не смеешь вот так просто *исчезать* чуть ли не на *целый день*.

Малкольм – младший брат Аннабель. Технологический гений, тринадцатилетний Макгайвер². Задрот, зануда, маленький друг. Эд Аньелли – дедушка. Прозвище – *Capitano*³. Бывший владелец и босс компании по упаковке замороженной рыбы, после выхода на пенсию он стал шкипером собственного корабля-автофургона, на котором разъезжает по стране. Ныне дед живет в соседнем доме. Еще есть собака Бит неизвестной породы. Небольшой пес коричнево-рыжего окраса. Сверхшустрый похититель нижнего белья. Карл Уолтер – временный бойфренд мамы – менеджер отдела в компании AT&T⁴. Ярый фанат футбольной команды «Сиэтл Сихокс». До сих пор уверен, что печенье *Pop-Tarts* и фруктовый напиток *Hi-C* – достойный выбор в питании. И, наконец, Энтони. Отец Аннабель и Малкольма. В прошлом – лучший спортсмен школы и сбежавший родитель, ныне отец Антоний, священник церкви Святой Терезы близ Бостона. Также известный как Этот Негодяй Отец Антоний – так называет его Джина с тех пор, как он ушел из дома шесть лет назад, заявив, что *с него хватит*. Аннабель тоже прекратила с ним общение. Вот такая она, *la famiglia*. Семья.

– Аннабель, Аннабель! Ты куда пропала?

– Я здесь.

– Почему ты затихла? Ты заставляешь меня нервничать.

Матери могут свести с ума, но матери знают своих детей.

Либо сейчас, либо никогда.

– Я не собираюсь домой.

– Что значит: ты не собираешься домой? Разумеется, ты идешь домой. У меня в руках ключи от машины. Малкольм! – кричит она. – Найди по GPS парк Джин Колон!

– Не Колон. Кулон. *Си*. – Поднимается волна истерики. Она готова лопнуть от смеха. *Си* – аббревиатура *culo*, что на итальянском сленге означает *задницу*. – Но тебе не нужно приезжать. У меня в кошельке сто двадцать баксов, подаренных на день рождения. Я видела тут неподалеку гостиницу «Бест Вестерн».

– Мы будем через полчаса, если я не заплутаю.

– Я не собираюсь возвращаться домой. Seriously.

– Аннабель, прекрати сейчас же. Я серьезно. И серьезнее, чем ты думаешь! Что произошло у Зака Оу? Что-то ведь произошло. – Джина почти скороговоркой произносит имя Зака Оу. Получается *Закоу*. Звучит как название интернет-магазина обуви для сумасшедших.

² Ангус «Мак» Макгайвер – герой одноименного приключенческого сериала, сотрудник секретной правительственной организации США, в которой использует свои поразительные навыки решения проблем и обширные знания науки, чтобы спасать жизни.

³ Капитан (*итал.*).

⁴ Американский транснациональный телекоммуникационный конгломерат со штаб-квартирой в Далласе, штат Техас.

- У Зака ничего не случилось.
- Это как-то связано с «Подземельями и драконами»?⁵
- Мама, нет...

Как это объяснить? Даже самой себе?

В голове прокручиваются недавние события: вот она уходит от Зака. В прекрасном настроении. На душе легко – во всяком случае, гораздо легче, чем на протяжении всех последних месяцев. Они даже *повеселились*. По дороге домой она замечает заснеженный хребет Каскадных гор⁶ вдали. Зрелище настолько прекрасно, что ее переполняет чувство благодарности к природе-матушке. В машине играет iPod. Звучит старая песня, которую она скачала у матери, – британский альтернативный рок времен накладных плеч и длинных волос, вечный источник положительной энергии. «*Я живой! Такой живой!*»⁷

Ее передергивает от этих слов, но она старается не обращать внимания. Впереди, у обочины, медленно вращается вывеска закусочной «Дикс». Восхитительный запах бургеров на гриле проникает в салон через решетку радиатора. Повинуясь внезапной прихоти, она тормозит у закусочной. Ее вдруг одолевает голод. Такой животный голод, что даже бодрит.

Она делает заказ и расплачивается, вставляя купюры в кассовое окошко автомата. Нажимая рычажок, достает соломинку для напитка и хватает стопку салфеток. Потом забирает пакет с едой, стакан с колой и поворачивается, чтобы уйти.

За ней в очереди стоят два молодых парня. Один из них, в армейской куртке, явно нетрезв. Пошатывается, опираясь на своего друга.

– Эй, красавица, – заплетающимся языком произносит он, обращаясь к Аннабель. – Поди-ка сюда.

Он приближается. Тянется к ее руке. Она чувствует, как его пальцы впиваются в кожу сквозь рукав.

- Чед, идем, старик, – говорит другой парень.
- Она красотка. Я хочу красотку.
- Чед, отвали.

Аннабель выдергивает руку и пытается пройти, но ее не пропускают. От бодрящего настроения *–я такой живой* – не остается и следа. Словно парализованная, она стоит столбом, сжимая в руках пакет, чувствуя себя маленькой и беспомощной. Приятель увлекает пьяного Чеда в другую очередь.

– Еще немного – и я бы вмешался, – доносится у нее из-за спины мужской голос. Мужчина худой как макаронина, в коротком шерстяном пальто с толстым шарфом на шее. У него добрые глаза. Аннабель готова его расцеловать. И не только, если честно. Ей плевать, даже если он курит марихуану или целыми днями брэнчит на гитаре в подвале дома своей матери. Сейчас ее ничто не волнует, кроме предложения о помощи.

Все вместе: грубая хватка, ощущение собственной уязвимости, острое желание поцеловать спасителя – обрушивается на нее лавиной. Несправедливость происходящего грохочет, крушит и грозит похоронить ее заживо. Аннабель нужно быть сильной, способной постоять за себя, но она понятия не имеет, как этого добиться. Противно думать о том, что какой-то парень может ее спасти, потому что она знает, что так не бывает. Она больше не хочет когда-либо испытывать страх, парализующий волю. Она видит себя воительницей, готовой дать отпор любому, кто посмеет ее тронуть. Она хочет быть женщиной из тех, кто всем своим видом

⁵ «Подземелья и драконы» – настольная ролевая игра в жанре фэнтези, разработанная Гэри Гайгэксом и Дэйвом Арне-соном.

⁶ Крупный горный хребет на западе Северной Америки, простирающийся от южной части канадской провинции Британская Колумбия через американские штаты Вашингтон и Орегон до Северной Калифорнии.

⁷ Песня британской группы Love and Rockets, представляющей альтернативный рок – жанр рок-музыки, сформировавшийся из музыкального андеграунда 1980-х и ставший популярным в 1990-е и 2000-е годы.

говорит: «*Руки прочь*» и «*Со мной шутки плохи*», кто может пошутить о силе своей вагины и припугнуть шпану отрезанием членов. Поговорить жестко. Как положено смелым и взрослым. Типа: «*Отвали, пока цел*».

Ей хотя бы *простоверить* в то, что она может вести такие разговоры, но даже это не получается. И не только из-за того, что случилось девять месяцев назад. Против реальности не попрешь. Реальность не изменить словами. Аннабель – молодая женщина. Ростом метр шестьдесят. Весит она пятьдесят килограммов. История – ее собственная и всего мира, в которой собран опыт многих лет и даже вчерашнего дня, – лишний раз подтверждает уязвимость женского пола. Ее безопасность как женщины, благополучие и свет, который она несет миру, зачастую все так же попираются. Это совершенно очевидно.

К тому же она красива, и это то, что люди видят в первую очередь, а иногда единственное, что они видят. Красота – одновременно и сила, и слабость, но чаще всего слабость, по крайней мере, до сей поры. И хотя никто к ней не прикасался (речь не об *этом*, но для многих женщин это большой вопрос), после прошлогодних событий она кое-что понимает, несмотря на то, что предпочла бы обойтись без таких уроков. Она понимает, что, когда дело доходит до драки, в прямом или переносном смысле, надо полагаться на сознательность и доброту других. А это, как ей слишком хорошо известно, самое ненадежное, на что можно положиться. Порой это как тонкая ниточка. Тончайшая, почти невидимая.

Она чувствует хрупкость этой нити, когда пьяный парень хватается за плечо, и понимает, что ей некуда идти и ничего нельзя сделать, если он решит причинить ей боль. Она не сможет одолеть его. Все, что у нее есть, – это ее голос, но даже от него пользы не больше, чем от крика во время урагана.

Она снова мысленно возвращается в тот кошмар, и счастливый день меркнет, бодрящая музыка исчезает, как и здоровое чувство голода. Остается лишь потребность выкарабкаться из-под завалов лавины и убраться *куда подальше*. Так она оказывается здесь, в парке Джин Кулон в Рентоне. Под круговерть мыслей ноги сами несли ее вперед, и вот теперь она стоит на парковке, пытаясь объяснить матери свое внезапное решение.

– Аннабель! – чуть ли не кричит Джина. – Хватит молчать! Говори, в чем дело.

– Я не вернусь домой. Я собираюсь бежать и бежать вперед. Пока не доберусь до Вашингтона, округ Колумбия. – Конечно, это пахнет безумием, утопией и обреченностью, даже будь она двукратной победительницей марафона. Затея глупая, драматичная и наивная. И еще идеалистическая. Разумеется, у нее нет ни малейшего представления о здешних реалиях. Нет никакого плана. Никакой команды. Не говоря уже о физической подготовке. Ее ждет полное фиаско. Но сейчас она чувствует лишь то, насколько лично ей это необходимо. Жизненно необходимо.

Да, в этом *вся* Аннабель Аньелли.

– Это ПТСР⁸, Аннабель, – взывает к ее разуму мать. – Помнишь, что говорила доктор Манн? Про гипервозбуждение, безрассудство? Тебя опять мучают флешбэки? Ты плохо спишь, я знаю. Поговори со мной. Ничего подобного *просто так* не делают. Люди, которые собираются... они планируют, Аннабель. Месяцами. Надо ведь... ну, я не знаю! Столько всего предусмотреть! Нельзя же вот так, разом, сорваться с места. Я приеду за тобой. Не сходи с ума.

Не сходить с ума? Похоже, уже слишком поздно.

⁸ Посттравматическое стрессовое расстройство.

2

У синего кита самое большое сердце – весом более 450 килограммов, размером со среднюю молочную корову.

Сердце землеройки может поместиться на ногте большого пальца человека.

У мимариды, осы-крошки, самое маленькое сердце, длиной всего 0,2 миллиметра. Его можно увидеть только под микроскопом.

У собаки самое большое сердце по отношению к телу.

Человеческое сердце по размеру такое же, как две руки, сжатые вместе. Представьте себе, что ваши ладони соединены или ваша рука лежит в чьей-то руке. Ведь для того и предназначены и руки, и сердца: чтобы поддерживать друг друга. Но очень трудно помнить об этом, когда сердце разбито вдребезги.

После слов *«разбито вдребезги»* Аннабель убирает ручку в кармашек маленького блокнота. На самом деле в этом нет никакой необходимости, потому что ручка умещается между обложкой и первой страницей. Аннабель повсюду таскает с собой этот блокнот, лучший среди блокнотов, хотя не знает, что в нем записывать. И вот наконец-то ручка скользит по девственно чистой странице, оставляя на ней чернильные росчерки.

Короткая время в ожидании в отеле «Бест Вестерн», она уже не знает, чем заняться. В блокноте *Moleskine* сделаны первые записи, обшарены коричневый комод из ламината и выдвижные ящики прикроватных тумбочек. Она пролистала стопку журналов с рекламой местных ресторанов. Сорвала санитарную бумажную ленту с сиденья унитаза. Развернула маленькое туалетное мыло и воспользовалась салфеткой, чтобы умыться. Она осмотрела ванную в поисках чего-нибудь отвратительного. Повалялась на одной кровати, потом на другой, проверяя, откуда лучше смотреть телевизор.

Она сидит на вращающемся стуле за столом у окна и смотрит на дождь, который теперь хлещет так, будто Бог не на шутку разгневан. Что ж, Ему есть на что злиться, если Он действительно существует. Она надеется, что Он там, на небесах, но, честно говоря, в это верится с трудом. Во всяком случае, у нее серьезные сомнения на этот счет.

Дождь струится по стеклу, как слезы ручьями по лицу. Звучит не очень-то поэтично: скорее всего, в ней говорят голод и усталость. Хотя, возможно, ей попросту изменяет здравый смысл. Она снова прислушивается к себе. Нет. Желание сделать то, что она решила сделать, никуда не делось. Пусть все кажется шатким, но ее воля сильна. Она слышит ровный и уверенный стук сердца, пока смотрит в окно, ожидая увидеть знакомые фары маминой «хонды цивик», сворачивающей на парковку «Бест Вестерн».

Джина, похоже, заблудилась и наверняка костерит GPS почему зря, так что Малкольму приходится затыкать уши. Джина относится к навигатору как к неумелому водителю. Она кроет его последними словами и истошно вопит, в то время как автоматический женский голос продолжает вещать, проявляя положенное роботу бесконечное терпение. Со стороны это выглядит как надругательство. Недавно Малкольм решил, что Джина должна платить по двадцать пять центов каждый раз, когда сквернословит. У него на кухонном столе стоит банка, куда он складывает эти деньги. Там уже, наверное, баксов шестьдесят.

Ожидание мучительно, потому что пустоту безделья тотчас заполняют мысли «о чем, ты сама знаешь» и «сама знаешь, о ком». Она не станет называть его по имени. У него не должно быть имени. Для нее он просто Хищник. Она называет его так, потому что это сушая правда: он самый злостный вор. Это прозвище как нельзя лучше передает коварное изыщество Хищника, и к тому же оно короче, чем Гребаный Ублюдок, как называет его Джина. Проблема в том –

ладно, проблем на самом деле много, но одна стоит особняком, – что он не просто воплощенное зло, самое мерзкое и злобное чудовище, но и человек, который дышал, разговаривал и обедал с ней, вел записи и даже держал ее за руку. Это заставляет ее содрогнуться, но от такой правды тоже не скроешься. Бывает, что правда не вызывает ничего, кроме ненависти. Так и хочется, чтобы ее не существовало. Ты хотела бы уничтожить ее своей ненавистью, но это невозможно. Единственное, что тебе остается, – тихо ненавидеть, хотя это такая малость.

Вот если бы еще стереть некоторые воспоминания, но и это не получается. Ты пытаешься. А они опять всплывают. Вторгаются раз за разом, как это делал Малкольм, когда она с особым усердием готовилась к экзамену, уединившись в своей комнате. Братец надоедал ей из вредности, просто чтобы позлить, а ей хотелось его убить. То же и с воспоминаниями.

Это происходит и сейчас. Она включает телевизор, чтобы отвлечься. На экране кулинарное шоу. Женщина готовит соус бешамель для лазаньи, но не так, как это делает бабушка. Если бы он это увидел, у него нашлось бы немало отборных словечек для дамочки из телевизора. Кастрюли, дозировки и пронзительный женский голос не очень-то утешают. Хищник стоит перед глазами таким, каким она увидела его в первый раз. На нем клетчатая рубашка и джинсы. Он скидывает с плеч рюкзак.

Она с ним незнакома. Он новенький. У нее один-единственный факультатив, который она посещает в течение всего учебного года, потому что трудяга. Она не знает, что захочет изучать потом, но это что-то, связанное с наукой. Она любит науку, всякую: биологию и физиологию, планету Земля и Вселенную, живые существа, от микроорганизмов до человека. Ее восхищают магический дизайн этого мира, непостижимая архитектура космоса, вплоть до замысловатого шедевра в виде глазного яблока. Наука – там, где можно открыть факты, объясняющие тайны. Она обожает и тайны, но еще больше любит их разгадывать. Для нее объяснения не разрушают тайны, а, наоборот, лишь усиливают их притягательность.

Что-то связанное с наукой означает углубленную программу по всем предметам, плюс школьный оркестр (виолончель), кросс-кантри (конечно), друзья (она популярна), чтение книг просто для удовольствия (их слишком много, чтобы перечислять). А еще работа в пекарне Essential Baking Company, волонтерские часы в доме престарелых «Саннисайд Элдеркеар». Видите? Она одинаково внимательна ко всем, и к старикам – тоже. Эти милые старушки со слезящимися глазами и пергаментной кожей. Капризные старички со свисающими, как у бассет-хаунда, ушами, в подтяжках. Они любят ее. Говорят, что она милая. Да, она такая.

Была. словно чудовище, она уничтожает людей. Она больше не чувствует себя милой. Она еще не знает, трагедия это или счастье. Или и то и другое. Ее наивной доброты больше нет – какая потеря. Эта доброта умиляет, как нарциссы, капли росы, пятна от травы на коленках джинсов, но ей до смерти надоело быть милой. К тому же наивная доброта сродни тому, чтобы стоять на оживленной автостраде и любоваться красивым закатом.

Факультатив, который она посещает, называется «Искусство микс медиа»⁹. Как тут не вспомнить древнейшую и наискучнейшую игру «Что если?». Отсюда все и тянется. А если бы она выбрала драматургию? Или дизайн видеоигр? Или если бы в классе «микс медиа» не нашлось бы свободных мест? Почему ей нужно быть такой невзрачной и перфекционисткой, чтобы оказаться на сайте в ту самую минуту, когда открылась регистрация для учеников с фамилиями от *A* до *B*? Зайди она часом позже – и этот класс был бы уже заполнен. Миссис Дьябло – любимая всеми учительница.

В класс заходит Хищник. Лохматый и высокий. Высокий настолько, что все взгляды тотчас прикованы к нему. К тому же всех распирает любопытство, потому что большинство из

⁹ Mixed Media (*англ.*) – смешанная техника, в которой можно создавать арт-объекты и панно, используя самые разные материалы и приемы.

них учатся вместе еще со средней школы Экштейна¹⁰. Скидывая рюкзак, новенький садится впереди Аннабель. Но прежде застенчиво улыбается ей. Он садится впереди нее, но прежде застенчиво улыбается ей. Он садится впереди нее, но прежде застенчиво улыбается ей. И так миллион раз.

«Прекрати!»

Такой технике научила ее доктор Манн. Надо произнести это вслух, что она и делает.

– Прекрати.

Ее голос еле слышен в гостиничном номере. Толпа зрителей кулинарного шоу аплодирует. В этой чужой комнате, где витает запах коммивояжеров, аплодисменты звучат как поощрение, хотя это всего лишь похвала лазанье, только что вытасченной из духовки.

Она втайне радуется, когда приезжает Джина и барабанит в дверь.

– Аннабель! Открывай. Это я.

Замок на двери старомодный, с цепочкой, которую надо сдвинуть в сторону. Ковыряясь с цепочкой, она чувствует себя героиней детективного триллера. Отчасти так и есть. Джина врывается в комнату. На ее растрепанных черных волосах с проседью у корней поблескивают капли дождя. Джина в спортивных штанах и зеленом свитере, которому миллион лет. Она бросает свою сумочку на ближайшую кровать. Содержимое вываливается наружу: ключи, тушь Maybelline, тампон.

– Слава богу, с тобой все в порядке, – говорит она.

Малкольм заходит следом за ней. Он смотрит на Аннабель и закатывает глаза. Должно быть, для него это та еще поездка. Время позднее. Малкольм в полосатой пижаме и выходных ботинках. Аннабель живо представляет себе картину сборов в дорогу: скорей, скорей, скорей, в спешке хватают первое, что попадает под руку. Малкольм садится на край кровати и расшнуровывает ботинки. Прислонясь спиной к изголовью, он вздыхает. В черных носках, полосатой пижаме и без привычных очков он похож на усталого бизнесмена, которому надоели менеджеры по работе с клиентами в регионе трех штатов.

– Бери свои вещи, – командует Джина. – Мне просто жаль, что ты спустила деньги на этот номер. – Сказано так, будто гостиничный номер слишком жалок для нее, но это неправда. На самом деле он довольно симпатичный. Есть Wi-Fi и кофеварка. Бесплатный завтрак с шести до десяти утра в ресторане внизу.

– Я никуда не поеду.

– Аннабель.

– Я же сказала.

– Что за шутки?! Ты хоть знаешь, о чем говоришь? Представляешь, как далеко отсюда округ Колумбия?

– Две тысячи семьсот девятнадцать миль пешком¹¹, – уточняет Малкольм с кровати. Он щелкает пультом от телевизора, переключаясь с кулинарного шоу на сериал *Nova*¹², любимый ими обоими. *Nova* объясняет, как работает невозможное. У *Nova* на все есть ответы. На экране спутник вращается на околоземной орбите.

– Мой телефон вот-вот сдохнет, – говорит Аннабель. – Ты привезла мои вещи?

– Конечно, нет. Если думаешь, что я позволю тебе это, ты явно не в своем уме. Помимо практической стороны дела, помимо того, что это в принципе... э-э-э... *невозможно*, через два с половиной месяца ты оканчиваешь школу. Через пять дней у тебя день рождения. Я готовлю грандиозный сюрприз с боулингом и пик...

¹⁰ Государственная средняя школа в Сиэтле, названная в честь Натана Экштейна, американского бизнесмена немецкого происхождения, почетного гражданина города Сиэтла.

¹¹ Что составляет 4375,8 км (1 миля = 1,609 км).

¹² Американский научно-популярный документальный телесериал, рассказывающий о научных открытиях и исторических событиях.

– Вот именно.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она не хотела действовать жестко, но ее вынуждают к этому.

– Через пять дней мне исполнится восемнадцать. Больше никаких разрешений. Я официально стану взрослой.

Джина шумно выдыхает, как грузовой поезд, несущийся через туннель. Ее лицо краснеет на глазах. Она вскидывает руки, вышагивая по комнате, к ванной и обратно.

Малкольм обувается. Завязывает тонкие, как у взрослых, шнурки на ботинках. Он ненавидит конфликты. Она удивляется тому, что ботинки ему впору. Он надевал их всего пару раз, насколько она помнит. На свадьбу Патрика О'Брайена с Энджи Морелли, давней подругой матери. Энджи помогла Джине получить работу помощника юриста в адвокатской конторе О'Брайена и Беллоу. А еще Малкольм носил эти ботинки...

«Прекрати!»

– Прошу прощения, – бормочет Малкольм.

– *Аты* куда собрался? – недоумевает Джина.

– Я кое-что забыл в машине.

– На улице тьма кромешная. Уже полдвенадцатого! Не забывай, что мы в *Рентоне*.

У него в руке ключи от машины Джины. Аннабель однажды разрешила ему сесть за руль и покататься на пустой стоянке у школы. Она надеется, что он не попытается тоже сбежать.

– Я мигом. Можешь наблюдать за мной из окна, – говорит он Джине.

– Будь осторожен, – предупреждает мать.

Впрочем, Джина даже не подходит к окну. У нее есть проблемы поважнее, чем присматривать за Малкольмом. Они остаются один на один: Аннабель и ее мама.

– Знаю, ты не в состоянии меня понять... – делает робкую попытку Аннабель.

– Дело не в том, что я не понимаю. Конечно, я *всепонимаю*. Просто... мы ничего об этом не знаем! Ты вообще понимаешь, о чем говоришь? Там горы. Грузовики. Бесконечные мили дорог! Дождь, а скоро и летняя жара. Ты что, собираешься спать на обочине? О боже. Мне даже думать об этом страшно. Ты, молодая женщина, – одна? Это невозможно! И потом, ты физически не готова к такой дистанции! Это что же, полумарафон *каждый божий день*? Ты хоть представляешь, что будет с твоим телом? А если бежать медленнее, ну, тебе нельзя так долго отсутствовать, если ты вдруг забыла.

– Как будто я могу забыть! Парень из Орегона только что проделал это за четыре месяца. Нам тренер Кван рассказывал. Мы следили за его блогем. Я знаю об этом больше, чем ты думаешь. И *яготова*. Вполне готова. После настоящих марафонов половинки уже не в счет! – Это ложь. Полумарафоны даются нелегко. Но ведь даются! – Я пробегаю здесь по одиннадцать миль и чувствую себя прекрасно. Я все рассчитала. Если я немного поднажму, то смогу преодолеть по шестнадцать миль в день...

– А что с деньгами? Как насчет выпускных экзаменов? А *Сет Грегори*? Ты не можешь вот так просто взять и сорваться с места. Двадцать второе сентября, Аннабель.

– *Знаю*. Думаешь, мне неизвестно? Эта дата выжжена у меня в мозгу.

– Бегство! Симптом ПТСР! Это всего лишь мгновенная паника, как говорила доктор...

– У меня более чем достаточно зачетных единиц, чтобы уже сейчас окончить школу. И денег тоже хватает.

– Но это деньги на колледж!

– Откуда нам знать, воспользуюсь я ими или нет? Кстати, доктор Манн говорит, что я слишком строга к себе. Может быть, я...

– Это ли не строгость к себе? Ты просто меняешь шило на мыло. Из огня да в полымя. В самое пекло!

Возможно, она в чем-то права.

– И что ты надеешься получить от этого, а? Что будет, когда ты туда доберешься? Просто постучишься в дверь к какому-нибудь сенатору?

– Я пока не думала об этом. – Аннабель видит перед собой доктора Манн в ее кабинете, на фоне картины с красно-желтым горным пейзажем. У доктора Манн коротко подстриженные, мягкие каштановые волосы, спокойный голос и терпеливый взгляд умных глаз, которые щурятся, когда она смеется. Она носит завязанные петлей шарфы, а в ее кабинете пахнет ванилью. Рядом с диваном, на котором сидит Аннабель, коробка салфеток и маленький будильник, но доктор Манн не шелохнется в своем кресле, как будто у нее в запасе целая вечность. Она слушает. И говорит: *«Тебе необязательно иметь все ответы сразу. Ты можешь постепенно получать информацию. И понимать все больше с каждым днем»*.

Джина подходит к окну и выглядывает на улицу, складывая руки на груди.

– Что это вообще даст? А? Ну в самом деле. Скажем, ты заходишь в кабинет сенатора или выступаешь перед политиками в гигантском зале. Разве это что-то изменит? – Когда Джина поворачивается, ее глаза полны слез.

Черт побери. Черт, черт! Аннабель снова вынуждена думать о том, как все это отразилось на ее матери. Джина постарела за последний год. Она выглядит усталой. Свитер болтается на ней, потому что она похудела.

– Это хоть что-то. И лучше, чем ничего, – говорит Аннабель или пытается сказать надтреснутым и дрожащим голосом.

Джина качает головой:

– О, моя милая.

– Мама, – умоляет Аннабель.

Возвращается Малкольм. У него в руках набитый рюкзак, который он ставит на кровать и расстегивает. Внутри два комплекта ее самых легких нейлоновых костюмов для бега, гидратор *Camel*¹³, ручная бутылка с водой и тонкая куртка от дождя. Нижнее белье. Носки. Небольшая аптечка. Зарядное устройство для телефона. Зубная паста, зубная щетка. Футболка с Бэтменом до колен, в которой она спит. Пакет на молнии с толстой пачкой денег и кредитной картой. Он оформил эту карту, чтобы делать накопления, как рекомендовал журнал *Money*¹⁴. Аннабель подарила ему подписку на этот журнал, которую он включил в свой список рождественских подарков в прошлом году.

– Держи, – говорит он, протягивая ей коричневый бумажный пакет. В нем два сэндвича с арахисовым маслом и желе, плотно упакованные в целлофановую пленку, яблоко, ломтики сыра, немного печенья и почти полная бутылка спортивного напитка *Gatorade*. – Ты, должно быть, проголодалась.

Аннабель не может говорить. Горло сжимается. Она вот-вот заплачет.

– И еще. – Малкольм вручает ей несколько скрепленных листков бумаги. – Маршрут. Гугл-карты. По ссылкам, которыми пользовался Джейсон Делл из Орегона. Я взял это из твоей папки по кросс-кантри.

– Ох, балда, – с придыханием произносит Аннабель. Это выражение любви. Универсальное прозвище для брата, оно выкрикивается при вспышках ярости и шепчется в приступах нежности.

– Нет, – восклицает Джина. – Нет, нет, нет, нет!

– Постой. Вот еще. – Малкольм снова лезет в рюкзак и выставляет ее новую пару кроссовок поверх прочего скарба.

Аннабель с трудом выдавливает из себя:

¹³ Мягкий резервуар для воды, который носят в специальном рюкзаке за плечами. Трубка с соской на конце, отходящая от емкости, продевается в отверстие рюкзака и фиксируется на лямке.

¹⁴ «Деньги».

– Спасибо.

– Мы будем понимать все больше с каждым днем. – Аннабель помнит несколько семейных сеансов с доктором Манн. Малкольм сидел тихо, ковыряя ногти, но, оказывается, внимательно слушал.

Джина бросается в слезы. Громкий плач разносится по комнате. Малкольм театральным жестом зажимает уши ладонями. Аннабель следует его примеру.

– Черт побери, вы, двое! Перестаньте надо мной смеяться.

– Перестаньте надо мной смеяться, – передразнивает Джину Малкольм.

– Мы останемся здесь, с тобой, Аннабель, пока не разберемся в твоих чувствах. Мы никуда не уйдем, – говорит Джина, шумно сморкаясь в бумажную салфетку, взятую в ванной.

– Мама, нет, – возражает Малкольм. – Мне пора спать. У меня завтра контрольная по математике. – И добавляет, обращаясь к Аннабель: – Отдай мне все, что тебе не нужно. А завтра беги к красному кругу, обозначенному на карте, там и встретимся. – Из утомленного бизнесмена он на глазах превращается в оперативника ЦРУ.

– Хорошо, дружище, – говорит Аннабель. – Спасибо.

Джина запихивает обратно в свою сумочку разбросанные мелочи.

– Ненавижу, когда вы в сговоре. *Ненавижу* это. Помните: все это только на *сегодняшний вечер*.

Малкольм и Аннабель встречаются взглядами и ведут немой диалог. В это мгновение между ними все решено, клятва принесена. Что ж, клятвы частенько даются в сердцах.

Аннабель стоит у окна и наблюдает за светящимися дугами фар, пока ее мама и брат выезжают с парковки отеля «Бест Вестерн». Одна в гостиничном номере, она взволнована куда меньше, чем могла себе представить. Ее тревога – тихий гул, а не рев хэви-метал, как можно было ожидать, учитывая ее нынешний план и неясное будущее. Она сидит на краю кровати, жует сэндвичи и смотрит сериал *Nova*. Планеты кружатся, звезды взрываются.

Так все и начинается.

3

Под большими алюминиевыми куполами-крышками – щедрое изобилие. Пушистые горы омлета, цепочки лоснящихся от жира сосисок, феерический бекон. Аннабель заворачивает в салфетки несколько бубликов и кексов и прячет их в рюкзак. Она научилась этому трюку у дедушки Эда, который заставлял ее уносить лишние рогастики в сумочке, когда они бывали в ресторане. Нарезанные фрукты выложены в виде радуги. Дольки апельсина тоже отправляются в рюкзак. Вместе с маленькими коробками хлопьев и баночками мюсли.

Гастрономическое раздолье вдохновляет, как и заряженный телефон и розово-желтый утренний свет. «*Меня ждет прекрасный день*», – думает она. Вот уже почти год Аннабель не посещали подобные мысли. Она понимает, что таких дней, окрашенных розово-желтым светом утра и вселяющих надежду, было немало, но все они прошли мимо нее. Она презирала те дни, считая их лживыми. А теперь даже парковка, номерные знаки автомобилей и стрип-моллы вдалеке обнадеживающе подмигивают ей. Она чувствует, как что-то приоткрывается в душе. Она впускает в себя лучик света. Сюжет напоминает религиозную откровение, но ее это не волнует.

Аннабель потягивается. Ноги вверх, ноги в стороны. Наклоны вниз, до самых пальцев ног. Все не так уж плохо. Она не такая развалина, как ей казалось после вчерашней пробежки. На самом деле она на подъеме. Как будто уже оставила что-то позади. *Не все*, конечно, ей ли не знать. Но то, чего никогда не случится, пока она жива. Просто *кое-что*. Крошечный осколок, который стал достаточно большим событием, учитывая ее обстоятельства.

Она жадно глотает мартовский туман. Воздух восхитительно влажен. Аннабель замечает стрелки луковичных цветов, выглядывающие из-под земли. Рентонская белка взбегает по решетке ворот бассейна, закрытого в межсезонье. Весна, обновление, жизнь! Конечно, эта эйфория отчасти вызвана радостью поглощения бекона за завтраком (не следовало так увлекаться соленым), но прежде всего она происходит от дороги, что лежит впереди. *Дорога впереди*. Не в этом ли магия? Не в том ли, что она впервые не станет оглядываться назад?

Она все еще стоит во дворе отеля «Бест Вестерн», где легко быть оптимисткой.

Но этот миг пройдет, и она перестанет быть такой оптимисткой. Очень, очень надолго.

* * *

Шлепанье подошв по асфальту знакомо до боли. Даже в те времена, когда Этот Негодяй Отец Антоний еще жил с ними, маленькая Аннабель наматывала круги на заднем дворе их дома, а он следил за ней с секундомером, который носил в спортивной сумке. В начальной школе она бегала на переменках, упиваясь скоростью, быстротой своих ног, ощущением летящего следом за ней хвостика волос. Позже, в средней школе, после того как отец ушел от них, а ее имя Аннабель Аньелли-Манутто сократилось до Аннабель Аньелли, появилось много всего, от чего пришлось *убегать*. Проблемы с деньгами; приступы у Малкольма, когда он мочился в постель; визиты отца, который приезжал за ними, но снова уезжал после ссоры с Джиной. Отец проводил с ними все меньше и меньше времени, и это задевало, но в то же время приносило облегчение.

Тогда-то Аннабель и начала считать: плитки на потолке, квадраты на тротуарах, согласные в словах. Ступеньки лестницы. Шаги. Она перешла от скорости к расстояниям. В средней школе она узнала, что бег на длинные дистанции, до полного изнеможения, следование ритму шагов помогают снять беспокойство. Это сродни тому, как катать плачущего ребенка в машине.

В то время кросс на три мили считался важным спортивным событием. И до сих пор таковым остается. В старшей школе она выиграла соревнование. Но после завершения сезона кросс-кантри в начале ноября продолжала бегать до конца года, просто для себя. Чтобы оставаться в форме, наслаждаться *связанной с наукой* красотой окружающего мира и чтобы достойно принять вызов, брошенный дистанцией. Полумарафоны. Два марафона, прежде чем ее жизнь пошла прахом. И через несколько недель, когда ей наконец удалось заставить себя подняться с кровати, первым делом она надела кроссовки. Вышла на улицу и побежала. Она бежала, пока не выбилась из сил. Она бежала достаточно быстро, чтобы всплывающие в памяти события сливались в неясное пятно.

Когда она справилась с этим, обнаружилось еще одно любопытное наблюдение. От бега на длинные дистанции в теле разливается боль. Она проделывала это неделю за неделей вплоть до сегодняшнего дня. Причиняла себе боль. Наказание. Попахивает легким сумасшествием, но так надо. Никуда не денешься. Ей хотелось бы более жестокого наказания, хотя оно и без того уже слишком тяжелое, а усилиями Сета Греггори станет еще хуже. Вместе с наказанием она исполняет свое самое большое желание: сбежать.

И вот теперь, в первый день своего долгого путешествия, она снова бежит вдоль бульвара Озера Вашингтон, но на этот раз с восточной стороны. Озеро тронута розовым светом утра, и она видит далеко впереди автостраду, где уже выстраиваются очереди из машин. Занятия в школе начинаются через час. Ее место за партами будет пустовать. Все будут удивляться, волноваться, испытывать неловкость. Да она все равно не должна быть в школе. Для нее остается загадкой, почему ей позволили вернуться. Каждый день она лишь создает всем неудобства. На нее смотрят так, будто у нее на груди закреплена бомба.

К востоку от озера, прямо за холмами, поросшими вечнозелеными деревьями, – конечная точка ее сегодняшнего маршрута: Престон, штат Вашингтон. Дорога впереди отмечена ориентирами в духе *«Вперед на Запад!»*: тропа угольных копий, тропа очага Буллитт¹⁵, тропа Рейнира¹⁶. Честно говоря, мрачноватые места, даже зловещие, как дремучие леса в детских сказках. Страх ползет по спине.

«Ты не дашь слабину, – говорит она себе. – Не будешь думать о Сете Греггори и будущем, воображать тюрьмы и наручники.»

¹⁵ Дороти Буллитт (1892–1989) – пионер теле- и радиовещания, основательница крупнейшей радиовещательной компании Сиэтла. Пешеходная тропа пролегает через бывшее поместье Буллитт, от которого остались лишь развалины домашнего камина.

¹⁶ Рейнир – действующий вулкан в Каскадных горах США, высота 4392 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.